

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 к.
на полъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

ДРУГЪ

Редакція и адми-
нистрація уліця
Краковская ч. 19.

Неопечатанны ре-
кламаціи принима-
ются на почтъ без-
платно, и увзглядня-
ются лишь до 14 дней.

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

НА-ПОТЕМКИ.

Очерки и образки изъ современной жизни.

II.

(Дальше.) Нашъ незнакомецъ отже спостерѣгъ кон-
трасть межи мурами второй городекои обѣтованой а со-
сѣдныхъ каменницъ, поглянувъ на тѣи першіи, та
видко, такъ скоро не могъ ними налюбоватися: лице
задеръ въ гору и, якъ то кажутъ, обсервовавъ всѣ
наименьшіи дробниці на огляданіи предметѣ, якъ
якій археологъ, — станувъ навѣтъ недвижимо...
хвиля догѣдна, щобъ зняти фотографію! Я и коры-
стаю, знимаю ю та подаю готову вже навѣтъ съ
прибавкою красокъ. Ось она: Передъ Вами стоитъ
мущина середнѣго росту, въ рудѣ держитъ розтво-
реную, неаполитанскую, ясную парасольку, которую
и охороняе свое личко отъ упрямыхъ, скѣсныхъ лу-
чей снѣца, що на погоднѣмъ лязурѣ неба стояло ак-
куратно надъ св. Юромъ, мовъ бы го хотѣло „осѣ-
нити.“

Сказано — личко, бо, хотяи эшитеть той пов-
нымъ правомъ властиво належитая тѣлько прекраснѣй
половицѣ рода людского, то сего разу, выятково о-
чеввета, назвати дасться, безъ протеста изъ стороны
прекрасной половицѣ, лице незнакомаго — лич-
комъ. Оно овалне, повне, майже дѣвочои красоты
съ выразомъ якоиь мягкости, нѣги, безъ наимень-
шого зариса або зморщка, съ выпуклымъ носомъ,
но и съ маленькамъ, чупурнымъ, яснымъ вускомъ
и вузкимъ, по модѣ обритванымъ фаворомъ, съ
очима... очей не видко, бо сховались за темными
склами рѣисе-вез. Волосѣ блондѣ, капелюхъ ры-
жовый Рапата, — одѣвье: тужурокъ, жилеть, споднѣ
все пѣка, бѣла, свѣтла, лѣтня пѣка; маншеты Stuart,
колыберикъ отъ сорочки convergenz, рукавички яенѣ
глесованѣ.

Та вже и вся фигура незнакомаго кѣйбца пе-
редъ Вами! Она гарна, и гармонійна и симпатична,
та и вся дае заключати на щастливця міра сего, на
чоловѣка, живущого безъ журбы и клопота середъ
всѣхъ выгодъ, якѣи тѣлько промыслъ людскѣй, т. е.

„цивилізація“ могутъ выдумати. Та и личко его —
то олицетворене самодовольство.

Оно звернене въ гору, но ось въ сей хвили
порушилось: скосилось въ вронічну усмѣшку, —
вусикъ приподнявся, за кутиками устъ появилась
морщина. Но и теперъ еще оно красиве, кто знае
чи не красше нѣжъ перше.

„Дивно, шоцо тутъ держати таке страховище.“
мрукнувъ собѣ незнакомецъ подѣ носомъ.

Та бѣтъ не археологъ! Самъ здрадився.

Бо вже таки тѣи слова свѣдчатъ о чоловѣцѣ,
приналежащѣмъ до высшого слоя общества, до т. з.
„дѣйствителныхъ.“ Въ такѣмъ тонѣ отъ нехочу,
були выказанѣ! Плебейчкѣ такъ не потрафитъ, а
археологъ — сохрани Господи!

А коли вже були сказанѣ, т. е. скоро ихъ собѣ
мрукнувъ незнакомый щастливецъ, — то и объявивъ
волю закѣичити обсервацію, именно въ той способъ,
що не обертаючи лица, поступився впередъ еще може
въ два шага. Сонце, сказано, свѣтило отъ св. Юра,
дуже ярко, а парасолька, звѣстно, на то и сотворена,
щобъ охоронити порядочныхъ людей отъ нападѣвъ
тон, до теперъ основно еще невыислѣдованой суб-
станции небесного простора.

Ну, чижъ дивуватися, що парасолька рукою
незнакомаго за одинъ кѣонецъ противъ сонця дер-
жана, другимъ кѣнцемъ сама, забожусь, що сама,
(тажъ незнакомецъ еще дивился на галки второй
городекои), заѣхала простѣсенко подѣ нѣсь якомусь
высочезному панови, що собѣ невинно стоявъ по-за
другими, цѣкавыми новостей, колтунами львѣвскими
передъ выставкою образѣвъ, весь погруженъ въ од-
нѣй картинѣ.

Збыточниця, не парасолька! Веѣ взагалѣ удер-
жуютъ, що парасолька — то рѣчь нежива, не оду-
шевлена вещиця; патыкъ. дрѣтъ та полотно — а
она Вамъ очевидячки ось и збрикалась: подѣѣхала
подѣ нѣсь тому високому, чорному панови, но не
опинилась, где тамъ! Хотя нѣсь майже якъ у слоня
труба, перескочила го, и — увѣрите? злакомилась
на окуляры! Видко, що она до того всего еще и
пристрастна, бо якъ злакомилась, якъ подѣбгла,

якъ підважалась и наважилась, — певно тільки все зь пристрастія — то въ одной секундцѣ окуляры зь горбатого носа чорного господина отскочили съ неимовірнимъ праскомъ, забренчѣли якъ пчола, коли жалить чоловіка, описали въ воздуху кругъ, на котрый въ геометрії есть вѣдай назва „параболя“ и — — ошибаетесь вразъ съ парасолькою, коли думаете, що упали на землю. Парасолька, еслибъ була мала очи, не булабъ собѣ задавала стільки труда и не наважувалась на чужіи окуляры: она не добачила, що то не окуляры — а цвікеръ на грандіозній тасмѣ. Цвікеръ отже описавъ параболу, лопнувъ по циліндрѣ якогось колтуна, отскочивъ и зависъ на тасмѣ.

— Голля! не такъ напастливо! очи виберете! — крикнувъ высокій чорный паничъ съ такою силою, що фундамента второй городекои чуть-чуть що не заворошилися въ своихъ основахъ, парасолька же, перше така зуховата, безвстыдно драла „втечки“ и сховалась за плечко пйкового наблюдателя галокъ, що теперъ доперва опамятався и фронтомъ станувъ насупротивъ чорного високого панича.

Той послѣдній зробивъ также фронтъ. А зробили фронтъ и всѣ колтуны, що стояли въ числѣ около сѣмохъ передъ выставкою, — неменьше и жидки проходящіи станули тоже въ фронтъ, и они всѣ утворили бѣльше меньше пѣвокругъ, въ серединѣ котрого стояли низкій пйковый и высокій чорный, въ позиціи двохъ закукурѣканныхъ пѣвнѣвъ т. е. верхнимъ тулувомъ напружено, нерухомо, напередъ, а носами майже на пѣвтора сантиметра одинъ отъ другого, якъ бы нюхались двѣ гончіи собаки.

— Pardon! — крикнувъ звонкимъ, пріятнымъ бо носовымъ глосомъ той въ пйцѣ, прорываючи прикрое мовчанье.

Тамтой другій не обѣзався еще заразъ, тільки выпрямився и похвавъ рукою за баламкаючимся на тасмѣ цвікромъ, патетично пѣднявъ го въ гору, насадивъ на горбатый свѣй нѣсъ, — и змѣривъ малу фйгуру въ пйцѣ.

Теперъ доперва настала хвиля триумфу для „дравшои втечки“ парасольки! Жидки бо порекнули смѣхомъ и заголосили свое славное „kik! kik!“; показуючи пальцами на високого пана.

За ними глянули и колтуны львѣвскіи въ указане направленьє, на лице тогожь пана, — и рассыпались тоже голоснымъ смѣхомъ. Той въ пйцѣ глянувъ, и также засмѣявся незначно, отъ нехочу.

Дѣло въ томъ, що въ цвікерѣ неставало одного скла (се результатъ трудѣвъ парасольки!) а высокій панокъ, поважно, майже съ видомъ оскорбленого смотрящій на пйкового, выглядавъ такъ комічно, що побудивбы до смѣху и очайдуха або меланхолика.

Смѣхъ противника побѣльше злѣсть пто видно було зь лица осмѣяного панка, и кто знае до чого бы не було то все довело, еслибъ тамтой въ пйцѣ не бувъ заговоривъ наразъ совѣмъ другимъ тономъ, подаючи руку:

— Если не ошибаюсь, то стою передъ Владѣмъ Скилинскимъ? А Ты пѣзнаешь мене?

Той съ однимъ скломъ вдвигвися пильно.

— А, ей Богу, зь разу не пѣзнавъ. Графъ Артуръ Руцкій!

— Пѣзнавъ?

— Пѣзнавъ! чомъ бы нѣ? Ты троха зтовѣтѣвъ, зповажнѣвъ, вуса дѣставъ, но не змѣнвися дуже.

Оба подали собѣ руки и стиснулись по пріятельски.

— А ты выгнався въ гору. Кѣлько то вже буде лѣтъ, якъ мы не видѣлися?

Тутъ гр. Артуръ оглянувъ побѣжно високу фйгуру Владзѣ, змушрувавъ его костюмъ — бнѣ бувъ порядочный, весь зь синвосорокатои лѣтѣи матеріи.

— Та, думаю, буде вже зо сѣмъ, — ѣтказавъ Владзію.

— Сѣмъ? а такъ, такъ буде. А Ты змѣнвися за той часъ значно.

— А на лучше?

— Певно, у тебе лице все було смаглаве, але теперъ оно набрало выразѣвъ мужеского характера, признаюсь, що у Тебе марсова мйна, хотя й вуса неконче великій.

Гр. Артуръ взявъ пѣдъ руку Владзѣ, а щобъ усунутись зь очей все еще малпообразно выбалушвившихся колтунѣвъ и жидкѣвъ, потягнувъ тогожь въ сторону до театра.

Складаючи свою непосидючу парасольку, промовило графятко:

— Ну, алежа дивна стрѣча! Даруй менѣ мою неосторожнѣсть, я задиввися на тїи згарища, и по за себе не поглядавъ.

— Э, дурница, добре, щось ще ока не выдлубавъ. Але скажи но менѣ, що порабляешь? що за фатумъ привело Тебе до Львова?

— Я все Тобѣ розкажу, и Ты менѣ о собѣ розкажешь, тільки прошу Тебе, Владзію, здѣйми то одно скло, бо справдѣ всѣ люди будутъ зглядатись на насъ.

— Колижь бо я безъ скла совершенно слѣпый!

— Но, то я Тебе сейчасъ заведу до оптика, а потѣмъ зайдемъ въ клубъ, тамъ мае мене дожидати Рунію.

— Рунію? Кто то такій? запытавъ Владзію, здѣймаючи свой несчастный цвікеръ.

— Рунію, мѣй швагеръ.

— Пріятно буде менѣ го пѣзнати. Но предовсѣмъ я маю тутъ еще одно дѣло.

— Яке?

— Хочу купити собі образъ.

— То потѣмъ!

— Потѣмъ маю зновъ инші дѣла.

— Овъ! Ты щось такъ много маешь дѣлъ? чи Ты якій дѣловодчикъ?

— Нѣ, але бачишь — —

Середъ такои бесѣды, гр. Артуръ и Влодзіо дойшли тротуаромъ на рѣгъ улиці, насупротивъ ц.к. Полиціи, вернулись опять тою самою дорогою и власне станули передъ выставкою образѣвъ, на котру глянувши Влодзіо, забувъ на свою гадку, що ю мавъ высказати, скѣнчивъ на „але бачишь“ и по давному вдвигнувшись въ висящій на горѣ образъ такъ запальчиво, що еслибы въ сей хвили появилася якій другій графъ Артуръ, то бы му, навѣрно, вже направду очи повибиривъ, закимв бы го пробудивъ зъ артистичного просонку.

Артуръ заинтересовався тою запальчивостію Влодзя, и глянувъ на выставку.

За скломъ було всего три образы т. з. Oelfarbendruck, а именно на долѣ Мадонна Рафаэля, въ горѣ же два поменьшого формата.

Одинъ зъ нихъ представлявъ блондинку, сидящу въ задумѣ середъ якогось огорода подъ розлогимъ деревомъ на муравѣ. У нѣгъ песикъ, онъ мовъ бы съ участіемъ дивився на свою задуманую паню, — въ дали, въ перспективѣ дѣмъ, чуть видно межи галузями деревъ.

Другій же образъ представлявъ веселую брюнетку — сидѣла она на лавочцѣ тоже въ садѣ, бавилася цвѣтами.

— Котражь тебе такъ плѣшила блондинка чи брюнетка? запытавъ графъ.

— Безъ сомнѣнія брюнетка, — воскликнувъ съ патосомъ Влодзіо.

— Маемъ однакі вкусы. Та брюнетка то красота, страсть!

Опять мовчать и дивятся оба.

— Артистъ вѣдай хотѣвъ представити той самъ складъ лица тѣлько въ отнѣніи темпераментъ, — зачавъ було Владиславъ.

И дѣйстно, вишніи обетановки совсѣмъ тѣ самі. все сходне було до послѣдней линіи та сама перспектива, той самъ дѣмъ, той самъ садъ, дерево розлоге. Блондинка и брюнетка сидѣли на пѣвъ въ профилю, тѣлько що кожда иншою стороною такъ що, висячи одна коло другои, зверненіи були лицами до себе — а подобіе було велике: то само лице, тѣ самі рисы. Розличіе въ волосю, бровахъ, рѣсницяхъ а какое огромное розличіе!

— Ба, для тебе, мѣи милый, — промовивъ Артуръ — може то артистичный кавалокъ, но для мене то просто — портретъ еще и невѣрна копія живого существа — —

Артуръ надармо изливавъ свои чувства; не було ихъ кому слухати, бо его давный пріятель сейчасъ при словѣ „портретъ“ съ шаленою прудкостію впавъ въ двери склепу, при выставцѣ находящегося. Артуръ догадався, що его хотятъ выпередити въ закупивъ.

„Абожь я маю бути послѣдній“ крикнувъ и влетѣвъ за Владиславомъ, который за тымъ часомъ поспѣвъ запытатись, почему штука.

— Тридцать шѣсть, — отповѣвъ пейсатый жидъ.

— Даю сорокъ гульденѣвъ громко — крикнувъ задыханый Артуръ.

— Пятдесятъ! — еще громше рыпнувъ Владиславъ.

— Я 60!

— 70!

— 80!!

Жидъ вываливъ очи, якъ подрѣзанный баранъ, зтуманѣвъ, бо не знавъ, що тѣи господинове такъ въ гору ліцитуютъ. Онъ мавъ склепъ запалокъ зъ краевой фабрики Дыдацкогго, и продававъ пуделко по 36 крайцарѣвъ, а тѣи якъ шаленіи, дають 80 зр. а. в.

Ого, жидъ дуже понятливъ! И понявъ Лейба, чи якъ ему тамъ було на имя, що они хотятъ склепъ закупити, опамятався и также въ конецъ рыкнувъ на все горло, бо тамтѣ кричали одинъ надъ другого, доходячи до 150.

— Мои панове, — верещавъ Лейба, а купка любителей уже стояла у дверей, — то не мѣи складъ, а належить до спѣлки фабрики.

— Що? до фабрики?! — крикнули вразъ оба ліцитующіи соперники, звертаючись раптомъ до жиды, котрый переляканныи отскочивъ на пять крокъ въспяеть.

— Uch waj mir, herste napast', gewalt! gewalt!

Подъ рукою бувъ уже и полицай. Вѣйшовъ поважно и пытае, чого крикъ.

Дошера теперь оглянулись ревнивыи купціи и узрѣлися — на свое превелике удивленіе, — що они совсѣмъ не въ складъ образѣвъ.

По колькохъ хвильяхъ рѣчь выяснилась: складъ образѣвъ бувъ на першѣмъ поверсѣ.

Полицай отѣйшовъ, вылетѣвъ и Артуръ а за нимъ Владиславъ. Жидъ тѣлько дивовався и стискавъ раменами, що herste великіи пурецы крику нароби, страху му нагнали а потѣмъ и не перепросивши якъ шаленіи зновъ стрѣмъ-головъ полетѣли.

Выбѣгли якось щасливо оба на першій поверхъ въ невеличку комнатку.

Тутъ опять отбулася така сама сцена, тѣлько съ тымъ варьянтомъ, що купующихъ було ажъ трохъ. Случилось, що въ тѣмъ самѣмъ часѣ якійсь поважный панъ, либонъ одинъ зъ тыхъ сѣмохъ колтунѣвъ, що перше такъ дуже пыльно придивлялись

выставць і стрѣчь обохъ нашихъ героївъ, переходячи улицею, подобавъ собѣ образы и зайшовъ купувати. И тутъ застали его Артуръ и Владиславъ, якъ онъ придвлявся прямо и зъ боку, и зъ далека и зъ близка, но за цѣну еще и не пытавъ.

— Що хочете за той образъ? — майже вразъ крикнули задыханіи новоприбувшіи, ажъ купующій панокъ отскочивъ отъ блондинки и брюнетки.

— За оба, въ рамкахъ кождый, разомъ 60 злр. отвѣтивъ урадованый купецъ.

— Pardon! отбъзався теперь зъ черги и панокъ съ звисающими вусами и лысиною а la Bismark, — я першій купецъ, протое панове позволять менѣ перше поторговатись.

— Я даю, — звертаючись до купца, продовжавъ онъ — н-на 40 злр., — и при тѣмъ цмокнувъ якоесь губою, въ знакъ вѣдай, що они бѣльше не вартніи.

— Панъ добродзей позволить, рамы самі стоять мене 20 злр., — говоривъ дуже мягонько купецъ, сложившись при тѣмъ, якъ сцвзорикъ, въ способъ, тѣлько купцямъ свойственный, при чѣмъ они звykle руки складають якъ при молитвѣ.

— А я даю 60! — крикнувъ Артуръ — хотя менѣ не треба ні того другого образа, ні вашихъ рамъ.

— Я самъ даю стѣлько, — твердо сказавъ тамтой съ звисающими вусами, а лысина набрала „глянцу“, и жила выступила на чолѣ синѣю веревкою.

— Сѣмдесять! — крикнувъ Артуръ.

— Господине, я купую! — грозно крикнувъ тамтой, а лысина и карокъ его залялись бурачкововъ красковъ.

— А я беру, — съ иронією оттявъ графъ и вынявъ портмоне.

— Прошу не шутити со мною, — грозила лысина.

— Я не на шутку купую, — сказавъ Артуръ и вынявъ банкнотъ на сотку.

— Господине, вы не знаете приписѣвъ полиційныхъ! Я буду принужденъ удатася въ полицію.

— Дуже менѣ пріятно. Извольте тѣлько потрудитись, а я за той часъ кажу отбслати образъ.

Гнѣвъ всегда степенуется, если противникъ холоднокровно дотинае. Графъ знавъ тое правило и успѣшно его заапликовавъ до бурливого нового своего соперника.

Гнѣвъ лысого панка бувъ безъ границъ. Весь червоный, якъ цвिकловый буракъ, трясся зѣ злости. Очи забѣгли кровью и грозили выскочити зъ своихъ ямокъ. Еслибы въ сей хвили подувъ на него холодный вѣтеръ, неминуемый парализъ.

Межи тѣмъ Владиславъ, корыстаючи зъ хвилі выпытався на боку у купчика-помѣчника, по чому

суть тіа на выставѣ безъ рамъ, а сгодившись на скорости и безъ замѣтки за одинъ (именно брюнетку, купчикъ назвавъ образъ Glückliche Gedanken) запла- тивъ и велѣвъ прямо занести въ готель англійскій пѣдъ Нр. 14., куда онъ заѣхавъ бувъ. (Прод. слѣд.)

Д Е Н И С Ъ.

ПОВѢСТЬ.

Написалъ Михаилъ Вагилевичъ,

(Продолж.) Было то въ першихъ дняхъ вересня: Науки въ гимназіяхъ уже розпочалися, тожь разъ другого дня по похоронъ моего опькуна по- шоль я записатися до пятой класы. Въ канцеляріи засталъ тѣлько госп. директора и о. катехету. Деректоръ переглядалъ якісь паперы а катехить ходилъ собѣ по комнать заложивши руки по за себе, пѣсля своего звичаю вдвляючися въ землю, якобы шукали того, чого не згубили.

— Якъ же ты ся маешь? Вопросыли отецъ катехить звертаючися до мене.

— Я? Ой не наилучше...

— Щожь такого?

— Батько ми померли, а мого доброго опькуна вчера похоронили.

— Що Козу... Коцу... Кобу, чи якъ онъ властиво назывался? Замѣтилъ деректоръ отрываючи взбръ отъ паперьвъ.

— Коцубалинского —

— А такъ, такъ-то померъ бѣднѣй.

Господинъ директоръ зналъ Коцубалинского, бо онъ въ цервухъ часахъ моеи шкѣльной карьеры бывалъ часто въ канцеляріи довьдоватися о моихъ успѣхахъ въ науцѣ.

— А щожь ты теперь зробишь съ собою? прибавилъ г. директоръ по хвили.

— Уже того не знаю, — отвѣтилъ я и щось ми справдъ на плачь збиралося.

— А маешь акі лекціи, — замѣтили отецъ катехить.

— Всего на десять золотыхъ,

— Може найдеся що бѣльше, треба допытуватися.

— Этъ, що тамъ — отъзвался директоръ — тоти лекціи тоти лекціи, — цѣлый день тѣлько бѣ- гай, и тѣлько зъ нихъ хѣсна що чоботы скорше подрутся. Этъ, тото невдячный хлѣбъ! А хлопецъ добре учится, дуже добре, тожь вартъ, щобы ему якоесь допомочи. Маете прецьнъ якусь бурсу, можебы его тамъ помѣстити? додалъ звертаючися до катехиты.

— Та онобы добре было. Но не знати, чи буде мѣстце?

— Тото такъ завсѣгды. Мѣстця суть для галабурдникѡвъ, непогребѡвъ, которыхъ можнабы безпечно понаганяти, найбы собѣ ишли на село межи парубки рей водити, а для хлопця, который истинно помочи потребуе, то нема мѣстця!

— Я еще не сказалъ, що нема. Но если тѡлько есть, то будьте упевненъ, що помѣстимъ его.

— Зробьтъ тое для мене!

— О скѡлько буде въ моей силѣ — сказали отецъ катехитъ, а звертаючися къ мнѣ прибавили:

— Прийди нынѣ по полудни до мене и звѣдайся..

— Ну, видишь — отозвался госп. директоръ — будешь мати где мешкати и що ѣсти, а то найголовнѣйша рѣчь; о иншихъ потребахъ уже самъ печалися. Тѡлько справуйся добре.

Менѣ слезы въ очехъ закрутились.

— Чимъ же я — и не домовилъ рѣшты, бо не стало мнѣ красорѣчивыхъ выразѡвъ, щобы выразити влѣчнѡсть, яка въ тѡй хвили наполняла мое сердце.

Я приблизился къ г. директору, щобы уняти его за руку и сердечный на ней поцѣлуй зложити, но ѡнъ цѡфнулъ руку...

— Ну, ну дай spokѡй! Я зробилъ тѡлько, що до мене належитъ — ты менѣ ани братъ ани свать, но щомъ учинилъ для тебе, здѣлалымъ для каждого, который собѣ лишь заслужилъ на то. Вы тутъ всѣ такъ, якбы мои дѣти — отвѣчаю за васъ передъ Богомъ и передъ своею совѣстью. Отцу катехитъ радше поблагодари, бо мене то тѡлько пару слѡвъ стояло, а они трудитися мусятъ для тебе.

Я поблагодарилъ якъ умѣлъ т. е. поцѣловалъ въ руку и выцѣдилъ кѡлька незрозумѣлыхъ слѡвъ, що мали означати мою благодарнѡсть.

— Иди уже, иди — сказали усмѣхаючися добродушно отецъ катехитъ — а памятай, прийди по полудни до мене!

Ажъ съ лекшимъ сердцемъ опустилъ я канцелярiю. Менѣ здавалося, що судьба моя пересѣлаеся: Отъ теперъ не буду уже оставленный самъ собѣ, якъ листъ, верженный на ласку вѣтрамъ. Якъ тамъ буде въ тѡй бурсѣ, такъ буде, но завсѣгды буду пѡдъ дахомъ и буде що ѣсти — таже тамъ суть такожь людскiя дѣти. А за грошъ зъ лекцiй зможу собѣ щось справити, (а — наветь гдѣщо собѣ зложити... Mein Liebchen — якъ сказалъ якiйсъ Нѣмецъ — was willst du mehr? И я тогда не бажалъ бѡльше.

Благодаря стараньямъ отца катехита, приняли мене до бурсы.

Тутъ позналимъ собѣ зрѡбити невеличкiй экскурсъ, бо не кожда зъ молодыхъ читательокъ, буде знати, що то есть бурса.

Есть то заведенiе при успенскѡй церкви въ Львовѣ, где дѣти убогихъ родичей и сироты находятъ помѣщенье, щобы могли ходити до школы и образоватися собѣ на пожитокъ, а Руси на славу.

Якъ чѡловѣколюбна цѣль того заведенiя! Чижь не свѣдчитъ оно, що Русь мати печалѣся о своихъ дѣтехъ и наименшѡй дитинѣ не дае пропасти? Но не знати яка въ тѡмъ причина, що такъ благородны старанiя доброй матери не бываюгъ увѣнчанъи рѡвно великими послѣдствiями на дѣтехъ... Чому тамъ, где на добрѡй нивѣ родитися повинно найчистѣйше зерно, родитися тѡлько куколь и полова?!..

Поволи, поволи! Може за строго осудили мы элевѡвъ ставропигiйской бурсы! Но най ми вѡльно буде поставити кѡлька вопросѡвъ, а може — може оправдаюся:

Кто вскаже мнѣ зъ помежи фаянги защитникѡвъ русской справы, зъ помежи тыхъ, который грудью своею отчину противъ насилiй вѡроговѣ заслѡняютъ и для ней, — чи то на политичнѡмъ чи литературнѡмъ поли, працююгъ бодай одного, о которѡмъ можнабы сказати, що то элевъ бурсы львѡвской?

Таже они суть правдивыми дѣтьми Руси, о нихъ можнабы сказати, що суть кровью еи крови? Она дае иль все, що чѡловѣкъ потребуе до житья физичного и духового. Пѡдъ еи покровительнымъ криломъ могутъ способитися до той правдиво гладиаторской борьбы, котора Русина за кождымъ крокомъ ожидае. Отъ кого якъ отъ кого, то отъ нихъ Русь смѣло вымагати може, щобы стояли за ню крѣпко, наветь противъ цѣлому свѣту, отъ нихъ може желати наветь жертвы, бо они суть еи творомъ. А чижь то диво, если щось пожертвуемъ тѡй, которѡй мы все винны? Годъ! такъ не есть.

Пожди — зауважае кто — еще не было часу на тое!

Добре — но отъ коли бурса существуете, мѡгбы уже появилися бодай одинъ, по которѡмъ найбы роковати можна, що оправдае заведенiе въ очехъ образованныхъ людей. Може ѡнъ где есть — но я его не знаю.

Но спустѣмъ трохи зъ тону. Не вымагаймо отъ бурсакѡвъ, щобы были героями — нехай будуть людьми — людьми звычайными. Таже кождый звычайный чѡловѣкъ може бодай лептою причинитися къ всеобщѡй жертвѣ, бодай одинъ камѣнь докинута може на ту велику готицку свѣтыню, котору называюгъ отечествомъ. Не перечимъ, що и бурсаки выходятъ на люде, но число такихъ до загального числа элевѡвъ есть дуже мале.

А гдежь тому причина? Чи шукати єь въ самыхъ бурсакахъ, чи въ зарядъ, чи наконецъ въ воздухъ?

Локе поставилъ гипотезу, що душа чоловіка єсть незаписаною картою, на которій вишній враженья вытискаются такъ, якъ печать на розпаленомъ ляку. Пѣсля той максимы виновати належить управленье. Но, пощо намъ ажъ Локого радитися? Таже молоде деревце дасть нагинатися на всѣ боки, а если оно неправильно выросло, то чия тутъ вина — якъ не огородника?

Такъ то, такъ. Бурсаки растутъ собѣ якъ дерева въ лѣсѣ. Но дерева суть деревьями, а люде людьми. Деревъ въ лѣсѣ єсть безконечне множество, годъ о кождомъ печалитися.

Бурсакѡвъ же не єсть такъ много, а чоловікѣ прецнь заслуге, шобы бѡльше старанье его индивидуальности посвятити.

Не досыть молодеци дати ѣсти и пити, умстити его пѡдъ дахомъ и постаратися о все, шо служить до розвою его физичного организма, а гдежь моральная, где этичная сторона жизни чоловіка?

Образованье умственне буде задачею заведенія наукового, которе бурсаки посьщають, но зъ того еще не выплыває, шо управленье збулося всякихъ тягарѡвъ, якї взяло на себе воспитуючи молодежь!

Кромъ корму тѣлесного и духовного, кромъ обученія въ церковномъ пѣнїю и обрядахъ, треує молодежь еще руководства, на которе всѣ педагоги такъ велику кладуть вагу, и то мудрого руководства.

Такъ то, такъ! Управленье должно пѡзнати, шо взяло на себе великї обязанности, шо має зъ чоловіка *in potentia* здымати чоловіка *in actu*, должно успособити его до житья, до свѣта и внушити ему пѡзнанье обовязанностей въ житью и въ свѣтъ, защепити ему пересвѣдченье, шо воля чоловіка пѡдвержена певнымъ правиламъ, которыхъ переступити не можна, должно провадити его черезъ всѣ фазы юношеской жизни ажъ до той точки, где чоловікѣ може станути самъ о своей силѣ, и може взяти на себе отвѣчательность за свои поступки и дѣла.

Чи такъ єсть, чи не такъ, — най розсудитъ кождый безсторонний. Я сказаль свое, а благодаря онѡй святой обоятности, сѣ якою нашіи меценасы отпирають стрѣлы профанѡвъ, которымъ прїйшла фантазія, ихъ дѣятельность судити, чуюся вольнымъ отъ всякой отвѣчательности и сную дальше нитку моеи повѣсти. (Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалига въ трехъ частяхъ.

(Часть втора).

III.

Знаходка въ Розгѡрчи.

Пять лѣтъ минуло отъ той хвилї, коли розѣигрался въ Добощукѡвцѣ описанный въ первой части нашей повѣсти драмать. Пять лѣтъ, — легко еказати, — та якъ тяжко пережити! Кѡлько то сердце розѡрвали, кѡлько то святыхъ чувствъ убили, кѡлько то злыхъ дѣлъ бачили тыхъ пять лѣтъ!

И зновъ мы находимся, якъ при кѡнци попереднѣго роздѣлу, въ горахъ, недалеко села Розгѡрча. Кругомъ высокї горы, покрытї темными смерековыми борами, — у ихъ стѡпѣ, на рѣни — руины старой мурованой корчмы, — где колись мешкаль жидъ Бляйбергъ. По при руины, порослї мхомъ, рѣзѣйкою та кропивою вѣся маленька стежка, слабо утоптана и ледви значна, видно, рѣдко коли кто нею ходитъ. Она вѣпинаєся двома закрутами на невеличкїй горбокъ и пропадає въ густѡй тѣни лѣса. Стежкою тою ходять природолюбцї лѣтомъ звиджувати знанный камень, находячїйся въ тѡмъ лѣсѣ, — зъ селянъ мало кто нею ходитъ, бо о руинахъ старой корчмы говорятъ дивнї повѣсти, — и всякї боится и згадовати о ней пѡдъ нѡчь.

Было се въ лѣтню, погѡдну днину, коли самотною стежкою ступаль чоловікѣ малого росту, о живыхъ, хитрыхъ, сѣрыхъ очкахъ и живыхъ движеньяхъ тѣла. Стрѡй его былъ якось зъ мѣщанска, а груба палиця въ рукахъ и торба черезъ плечї перевѣшена показували подорожного. Скорымъ ходомъ ѡнъ спѣшилъ въ лѣсъ и вскорѣ сховался въ холодячѡй тѣни. Ту задержался на хвилю, одотхнуль и обтеръ пѡтъ зъ чола, потѡмъ розглядаючися доокола пыталъ, здавалося, памяти о дорогу, бо стежка въ лѣсѣ совсѣмъ была щезла.

Роздумавши добре, куда належало ити, ѡнъ направился въ гушавину и долгїй часъ дѣрея ярами, зворами та кременистыми лѣсовыми обрывами, доки передъ его очима не сталь розгѡрецкїй камень. Трема высокими, безобразно полуцаными столпами взносился ѡнъ вгору и сѣрыми, неправильными контурами вырѣзовался на темнозеленомъ тлѣ бору.

— Слава тобѣ Боже, — прошепталъ тяжко отдыхаючи подорожный, — насилу я дѡбрался до сего мѣсця, где уже такъ давно я былъ повиненъ стати. На тѡмъ камени послѣдня моя надѣя, — сли ту нѣтъ того проклятого екарбу, то уже хѣба чортъ самъ нимъ удавился! И кѡлько то я нащукаль — напытался за нимъ, — цѣлыхъ пять лѣтъ часу страдиль, — и гдежь тотъ цѣль, до котрой я ступаль борючися сѣ тѡлькома трудностями?..

Такъ воркоталь до себе подорожный розкла даючись пѣдъ грубезною смерекою близъ камня на долшій, якъ здавалося, отпочинокъ. Онъ знялъ зъ себе капоту и торбу, поклялъ на земли, поправиль на собѣ узкій ремѣнь съ блестящими спрячками и добуль изъ торбы кусень хлѣба, соли та добрый рѣзнякъ ковбасы.

— А кто знае, — може и брехаль собака Петрѣй, коляемо го мучили, — може се все байка, выдумка для дѣтей, — може онъ тѣлько на то розпустиль новѣсти о такихъ нелюдскихъ скарбахъ, щобы подроцитися съ Добощуками? Гдежь бо то можливе, щобы я тѣлько шукаль, всѣ закамарки перешвырѣль та перевернулъ, а не нашолъ ничего?

— Але побачимъ, — додалъ встаючи и збираючи дробинки изъ хлѣба, — на сей камень ще моя послѣдня надѣя! Дурный народъ говорить, що сесѣ скарбы тутъ закляті! Що то значить? Сли лишъ тутъ суть, — моя рука ихъ выдобуде, — не поможе ніяке заклятье!

По тыхъ урываныхъ словахъ читатель може уже и пѣзналъ, що человекъ, котрого маемъ передъ собою, не кто иншій, якъ Невеличкій. Проворный и хитрый бродяга зъумѣль въ тую страшну нѣчь, на котрой мы скѣнчили передже, выхопитися и убѣчи отъ переслѣдованья стражникѣвъ.

Въ его головѣ въ послѣднихъ дняхъ зродила—ся гадка, ити на власну руку шукати скарбѣвъ, — и то важне дѣло занимало его черезъ цѣлыхъ пять лѣтъ, черезъ цѣлый той часъ, по уплывѣ котрого мы зновъ его встрѣчаемъ.

Перекрестившися махнулъ онъ рукою за сокиру, востромену зъ заду за поясъ, взялъ въ руки свою палицю, зъ долины добре оковану и взялся лѣзти горѣ каменемъ, щобы дѣбратися до первой щелины, котру видно было зъ долины. Стѣна была стрѣмка, камѣнь зъ верха сыпкій и звѣтрѣлый на слотѣ, — але Невеличкій съ дивною зручностію перемагалъ завады, бо и чогожь не докаже похоть грошей, богацтва?

И ось онъ по долгихъ трудахъ въ горѣ, — заглядае цѣкаво въ темну щелину, — ничъ не бачить, — стукае палицевъ по ей камѣнныхъ стѣнахъ, — палиця не спотыкае ничего, кромѣ камня: — онъ наконецъ и самъ лѣзе въ темну, щербату нору, — але она совсѣмъ пуста!

— Чортъ батька твого за ногу! крикнулъ розчарованный и гнѣвный Невеличкій и забиралися злавити, — коли наразъ впала му въ очи друга, меньша и незначительна щелина надъ его головою.

— Ого, — ще не конецъ! подумалъ онъ, — и зновъ съ бѣльшими еще трудностями, якъ впередъ зачалъ пятися вгору. И зновъ нашолъ узку глубокую пещеру, — давнѣйше мѣстила она въ собѣ дѣйстно Добошѣвъ скарбъ, — але теперь была пуста.

Послѣдня надѣя, — здавалося, — загасла, якъ послѣдня збрка середъ хмарного неба, — Невеличкій долго сидѣль на камени, общепившися его руками, мовъ мертвый, — ему жаль стало труда и часу, — долгихъ пяти лѣтъ, страченныхъ на дармо.

Но натура того человекъ была дуже эластична и неподатлива, — онъ не былъ зъ тыхъ людей, що тратять силу и охоту до дѣла при першѣй-лѣпшѣй неудачи. Скоро онъ опамятався, — але тутже его очемъ представилася нова опаснѣсть въ цѣлѣмъ своемъ грознѣмъ видѣ. Стрѣмка, обрывиста скала, по котрой онъ съ великимъ трудомъ вылѣзъ вгору, не оставляла можности злѣзти на долину. Найменьшій, хибно зроблений крокъ грозиль неминуемымъ упадкомъ и смертію — смѣлый опрышокъ здрожаль на той ужасный видъ.

Що дѣяти? то былъ единый вопросъ, котрый отгомонювалъ по всѣхъ найтѣнѣйшихъ закуткахъ его душѣ; що дѣяти, щобы спасти житье отъ погибеля?...

Очи его быстро кидались на всѣ стороны, такъ якъ сильный щупакъ, пошавши въ сѣть, мечеся по ней, щобы здыбати гденибудь дѣру и промкнутися нею на свободу. Але всюда сторчали грѣзно и понуро такіжъ стрѣмкіи стѣны, такіжъ небезпечныи обрывы: ни бѣги не было спасенья.

Первый може разъ по долгихъ лѣтахъ прійшла ему въ тѣй страшнѣй опасности гадка о Бозѣ и онъ, востхнувши зъ глубины сердца, обернулъ взѣръ свѣй вгору, мовѣбы выглядаячи ѳттамъ спасительной руки.

И щожъ, — тая спасительная рука вѣдай явилася ему! Бо Невеличкій, якъ разъ взнѣсъ вгору очи, такъ уже не спускае ихъ, — але пильно чогось розглядае сѣру скалу и ей пошарпаній, стрѣмкіи вершины.

— Я спасенный! кликнулъ онъ радѣстно, — я вылѣзу на самъ вершокъ камня, — а ѳттакъ другою стороною чей буду мѣгъ злѣзти въ долину!

И пѣдпершися сильно на свою палицю онъ съ удивительною легкостію вспялся вгору, — а потѣмъ драпался скалою що разъ то дальше, доки не сталъ наконецъ на пожаданѣй вершинѣ.

— Ахъ! вырвалось поневольно изъ его груди, — а въ тѣмъ однобъ восклицу вылилася цѣла горечь розчарованья и безнадѣйности. Друга стѣна камня была еще стрѣмша, еще небезпечнѣйша и недоступнѣйша, якъ перша, — ратунокъ, здавалося, былъ невозможный.

— Нѣ, ще одного спробую, — сказалъ по долгѣй хвили бездумного остолпнѣнья Невеличкій, — може ще зможу спастися съ житьемъ изъ того пещельного камня!

Дорога, котра мала го завести до той цѣли, была неввычайно тяжка и дуже небезпечна. Подолговатый вершокъ камня былъ зубчатый и полунапый и представлялъ видъ великаго гребеня о огромныхъ, каменнстыхъ, нерѣвныхъ зубцахъ. Вздожь того гребеня постановилъ лѣзти Невеличкій ажъ на конецъ и тамтуда шукати стежки въ долину. Тое предприятие иному кромѣ него былобы отъ разу выдалося невозможнымъ, бо пиятися на стрѣмкѣ иглицѣй окруженому зъ двоухъ бокѣвъ страшною пропастію, было въ станѣ и найсмѣльѣйшому отняти надѣю на удачу. Но Невеличкій не улякса, — отчаянье додало му еще силы и онъ кинувши на долину свою тяжелу палицю пустился въ страшну путь.

(Прод. слѣд.)

ОТРАВЛЕННЫЙ ДЬЯКОНЪ.

„Изъ памятной книжки,“ Г. Иванова.

II.

Лекарства.

(Продолж.) Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ моего приѣзда въ городъ, когда мы, отобѣдавъ, отдыхали, одинъ въ одной, другой въ другой комнатѣ, и когда въ домѣ, на дворѣ и на улицѣ царствовала невозмутимая тишина, въ пустомъ зѣлѣ вдругъ раздался голосъ:

— Иванъ Иванычъ, а Иванъ Иванычъ!..

— Что вамъ? отвѣчал мой пріятель изъ своего кабинета.

— Да мнѣ бы два словечка хотѣлось..

Говорившій, новидимому, стоялъ на улицѣ или на дворѣ и говорилъ въ отворенное окно.

— Что такое, какія словечки? шлепая туфлями и направляясь къ окну, говорилъ мой пріятель. — Здравствуйте, отецъ дяконъ — какія словечки?..

— Добраго здоровья... Да я было хотѣлъ..

— Вы вотъ что скажите прежде всего, перебилъ его Иванъ Иванычъ: — бросили вы пить, или нѣтъ, и принимаете ли желъзо?

— Бросаю!..

— Бросаете? Прекрасно... А желъзо?

— Да вотъ я объ этомъ и хочу съ вами потолковать?

— Что же такое?

— Да вступаетъ ли?

— Что вступаетъ ли?

Какъ ни прискорбно, а надо сказать, что пріятель мой, попавъ въ такую непроходимую глушь, какъ этотъ несчастный городокъ, и видя постоянную бѣдность и невѣжество самыхъ поразительныхъ,

чтобъ чувствовать себя и по своимъ знаціямъ, и по средствамъ, неизмѣримо выше всего этого люда, усвоилъ себѣ некоторую покровительственную развязность въ обращеніи со всѣмъ этимъ народомъ. Не знаю, виноватъ ли онъ въ этомъ.

— Что такое, продолжалъ онъ, усаживаясь у окна: — что такое „вступаетъ? Что вы тутъ толкуете? Куда „вступаетъ“?..

— Да желъзо-то... Точно ли, молъ, вступаетъ, въ это, какъ его...

— Въ кровь, что-ль? Въ организмъ?

— Вотъ-вотъ... въ это самое... Точно ли, молъ?

— Ахъ, отецъ Аркадій, или какъ тамъ васъ, отецъ вы или кто, ужъ не знаю... Сколько разъ я вамъ говорилъ — да! да! вступаетъ! И именно вступаетъ въ кровь! За какимъ же чортомъ, спрашивается, я вамъ его прописывалъ? Ну, скажите ради Бога, за какимъ чортомъ?..

Отецъ дяконъ кашлянулъ.

— Вы, продолжалъ докторъ, отдѣляя каждое слово: — вы пили, кровь у васъ теперь — не кровь, а сусло... Понимаете?.. Сусло, а не кровь...

— Позвольте, перебилъ дяконъ: — Господи помилуй! Да, развѣ я объ томъ? Конечно, пьешь... да нѣшто я объ этомъ? Сусло! Я и самъ знаю, что сусло.

— Ну такъ что же тутъ, о чемъ же тутъ разговаривать? Принимайте желъзо — и все!

— И, то есть, ужъ въ самый корень вступить?

— Я не знаю, что это за корень... Вамъ куда надо-то?

— Да по мнѣ бы въ самую настоящую точку...

— Еще куда?.. въ корень, въ точку, еще куда?

— То есть, чтобъ въ самую, напимѣръ, въ жилу?..

Дяконъ ждалъ отвѣта.

— Знаете, что я вамъ скажу, отецъ дяконъ, довольно строгимъ тономъ заговорилъ докторъ. — Такъ говорить нельзя... Помилуйте! Да этакаго разговора самъ чортъ не разберетъ... Что это значить въ самую точку? Гдѣ самая жила, а гдѣ не самая? Въдѣ это — просто чортъ знаетъ что такое! Что такое вы говорите?

Дяконъ засмѣялся.

— Чортъ, ее знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, плетешь языкомъ не вѣсть что...

— Ей-Богу, въдѣ это невозможно!.. Въ точку да въ жилу...

— Ха-ха-ха!

— Ей-Богу, невозможно!..

Посль незначительнаго молчанія, во время котораго докторъ, надо думать, смягчился, разговоръ возобновился вновь.

— Я вамъ говорю, началъ докторъ спокойно и категорически: — железо вступаетъ въ кровь! разь!

— Такъ!

— Поправляетъ и укрѣпляетъ нервы!

— Два! тоже категорически отчеканивалъ дьяконъ. — Далѣе?

— Да чего-жъ вамъ еще?

— А въ душу?

— Что въ душу?

— Да въ душу-то вступаетъ ли?

Этотъ вопросъ снова, какъ будто, встревожилъ доктора.

— Знаете, батюшка, что я вамъ скажу... Мнѣ кажется, что вы — большой охотникъ разговаривать! Вы сначала попробуйте — перестаньте пить, да полечитесь, а потомъ и увидите, что будетъ съ душой...

— И возобновляетъ?

— Нѣтъ! отецъ Аркадій! Это невозможно! Это... Это.. Такъ вы хотите, чтобъ я вамъ душу возобновилъ, что ли? Такъ? да?..

Докторъ очевидно озлился.

— Да какой же мнѣ, помилуйте, тоже повидимому ошестившись заговорилъ дьяконъ: — какой мнѣ расчетъ тамъ нервы, эти самые, ежели оно не попадаетъ въ самую точку?

Докторъ бѣгалъ по комнатѣ въ очевидномъ гнѣвѣ и молчалъ.

— Никакого мнѣ нѣтъ расчета его пить, ежели оно только обаполо болѣзни ходитъ, тамъ въ эти въ нервы въ разные, а въ самую, значить, суть-то — и нѣтъ!..

— Нѣтъ! Ради Бога оставьте! Я не могу. Я не могу больше разговаривать такъ.. Дѣлайте, что хотите!

Дьяконъ замолкъ и кашлянулъ.

Взволнованный пріятель мой, большими шагами ходившій по залу, вдругъ повернулъ въ мою комнату и проговорилъ:

— Какъ тебѣ нравится такого рода разговоръ? Слышалъ?

— Да, отвѣчалъ я. — Кто это такой?

— Не въ томъ дѣло, перебилъ меня озлобленный другъ: — но представь себѣ, какова пытка — каждый божій день слушать объясненія въ такомъ родѣ! „Нельзя ли въ самую жилу“. — „Не пускаетъ“ и такъ далѣе. Извольте ихъ лечить!.. У одного не пускаетъ, у другого какой-то, извольте видѣть, растетъ въ сердцѣ горохъ? Что такое? Что то за чертовщина, — а это — порокъ

сердца... такъ въ Москвѣ сказали, горохъ, говорятъ...

Нечего сказать, любить провинціальный дьятель, поймавъ терпливаго слушателя, поразсказать о своемъ самоотверженіи, терпѣніи и о множествѣ другихъ достоинствъ, которыхъ не видать и не цѣнять. Добрыя четверть часа слушалъ я эту похвалу собственнымъ достоинствамъ моего пріятеля, излагаемую имъ въ видѣ фактовъ невѣжества окружающихъ — невѣжества, переносимаго имъ вотъ ужъ пятый годъ и за такое ничтожное жалованье (и объ этомъ была рѣчь). Наконецъ, онъ какъ будто усталъ, потому что остановился.

— Ты спрашивалъ, кажется, кто это такой? вспомнивъ мой вопросъ, переспросилъ онъ и, принявшись возиться съ своими карманными часами, заводилъ ихъ, прикладывая къ уху, продолжалъ: — это — какой-то сельскій дьяконъ. Теперь онъ подь судомъ за что-то. Кажется, за пьянство — хорошенько не знаю. Когда мнѣ съ ними пускаться въ откровенность? Н-ну, знаю, т. е. по крайней мѣрѣ, слышалъ, что жена ушла отъ него и, кажется, гдѣ-то учится въ родильномъ домѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Потомъ отлично знаю, что пьянствуетъ и поминутно лѣзетъ съ разными нелпыми разговорами, съ точками съ разными, да съ жилами. Надобль онъ мнѣ ужасно.

— Иванъ Иванычъ, а Иванъ Иванычъ! робко послышался опять голосъ дьякона.

— Какъ? вы еще здѣсь? совершенно утихнувъ и успокоившись, изумился докторъ и пошелъ въ залу. — Что вы тутъ дѣлаете? Я думалъ вы уже ушли.

— Не сердитесь Бога ради, Иванъ Иванычъ? Что-жъ такое? Мнѣ надо разузнать, въ чемъ дѣло...

— Я вовсе не сержусь, мягко заговорилъ Иванъ Иванычъ: — а-а повторяю вамъ, что такъ нельзя говорить, и всякій вамъ скажетъ тоже.

— Ну, я больше не буду. Слѣдовательно, на томъ дѣло стало — принимать?

— Что такое?

— То есть железо-то, принимать, стало быть?

— Конечно, принимать..

— Превосходно! Стало быть, такъ и будетъ. Только я васъ еще хотѣлъ спросить объ одномъ, робко прибавилъ дьяконъ.

— Сдѣлайте милость, спрашивайте.

— Извольте видѣть, тихо, убедительно заговорилъ дьяконъ. — Теперь вы говорите порошки тамъ, нервы напримѣръ, органы и все этакое — вѣдь это физика?

— То есть, какъ физика? Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— То есть — матерія, но не духъ, вотъ какъ я думаю?

— Порошки-то, не духъ?

— Порошки не порошки, а напримѣръ, все прочее, весь составъ?

— А-а, ну, хорошо, ну, матерія.

— Изволите видѣть... даже и у Португалога не сказано прямо такъ, что мозгъ — все одно... Ежели бы такъ, то взять палку — вотъ тебѣ хребетъ, обмотать бичевкой — нервы, еще чего-нибудь наддалъ и хоть въ мировые посредники выбирай, только шапку съ краснымъ околышемъ одѣть..

— Ишь какъ у насъ, отецъ дьяконъ-то! Остроты опускаетъ.

— Да ей Богу, ежели такъ-то.

— Продолжайте! продолжайте... Н-ну, матерія Ну?

— Ну, а духъ, я говорю, следовательно — часть особая, изволите видѣть?

— Положимъ, особая. Далѣе?

— А далѣе, вотъ я и сомнѣваюсь, чтобы оно на пользу было... напримѣръ для духа...

— Это, кажется, вы опять начинаете старую пѣсню? перебилъ Иванъ Иванычъ, и, должно быть, такъ ясно выразилъ нежеланіе слушать эту пѣсню, что собесѣдникъ его почти тотчасъ же и во всю мочь своего голоса заговорилъ:

— Нѣтъ! Ей Богу, нѣтъ! Иванъ Иванычъ! Сдѣлайте одолженіе! не о порошкахъ...

Онъ какъ будто останавливалъ этими торопливыми и крикливыми фразами намѣревавшася уйдти доктора.

— Какъ, не о порошкахъ? Вѣдь опять договорились до того, что „вступаетъ“ и такъ далѣе?

— Передъ Богомъ, не объ этомъ! Куплю, ей-ей куплю, сію минуту...

— Такъ объ чемъ же въ такомъ случаѣ? Я, ей Богу, васъ не понимаю!

— Два словечка! Позвольте, дайте мнѣ досказать, я сію минуту объясню вамъ! Сдѣлайте ваше одолженіе!

Коротко и рѣзко стукнулъ стулъ: докторъ, очевидно, съѣлъ и рѣшился слушать.

— Какъ матерія, съ разстановкою и тономъ отвѣчающаго на экзаменъ ученика, началъ дьяконъ: — какъ матерія имѣетъ на свою пользу разныя специи, такъ равно и духъ ихъ имѣетъ?..

И замолкъ.

— Все?

— Все.

— Очень пріятно, по крайней мѣрѣ, коротко.

— И такъ какъ!... началъ было дьяконъ тѣмъ же тономъ.

— Да вѣдь все?

— Только еще полслова! Сдѣлайте ваше одолженіе! то есть чуть-чуть... И такъ какъ для

тѣла, следовательно, есть разныя порошки или тамъ примочки, то для духа они пользы не даютъ.

— Не вступаетъ? Опять вы...

— Ей-ей, передъ Богомъ — нѣтъ!.. Сію минуту, какъ есть одно слово. То следовательно...

— То, что то?

— То, что духъ имѣетъ свои, напримѣръ...

— Примочки?

— Примочки не примочки, а тоже средства. Порошки для тѣла, а для духа — надо другое... Вотъ какое дѣло! Я, какъ передъ Богомъ, вамъ говорю, сейчасъ куплю желѣза этого, а для духа-то нѣтъ...

Надоело ли доктору слушать все это, только онъ на этотъ разъ не придирался къ собесѣднику, а довольно кротко сказалъ:

— Что-жъ такое для духа, по вашему, надо?

— То то и мудрено — „что?“ Объ этомъ-то и разговоръ.

— Ну, объ этомъ вы посоветуйтесь съ кѣмъ-нибудь другимъ, я тутъ ужъ — пасъ!

— Съ кѣмъ же мнѣ совѣтоваться? Да тутъ во всемъ городѣ ни одинъ человекъ не знаетъ, что у него есть духъ и есть тѣло... Имъ бы только жалованье получать... Мнѣ спрашивать объ этомъ не кого.

— Ну, и я вамъ тоже не могу помочь.

— А чтеніе напримѣръ? Какъ вы думаете?

Докторъ барабанилъ пальцемъ по подоконнику и молчалъ.

— Ежели, напримѣръ, основательное чтеніе?.. Вѣдь, я думаю, оно возстановляетъ? а? какъ вы думаете!

— Конечно!.. совершенно разсыянно отвѣчаетъ докторъ.

— Ей-ей? Я такъ и думалъ!.. Порошки для тѣла, книги — для духа. Да, пить перестану!

— Это-то самое было бы лучшее.

— Ей ей перестану. Будь я проклятъ. Вотъ какъ! А? какъ вы думаете? И порошки, напримѣръ, и чтеніе, анъ, можетъ быть, и возстановится?

— Очень можетъ быть! вовсе не интересуясь этимъ разговоромъ и думая о чемъ-то другомъ, пробормоталъ докторъ.

— Ей-Богу? Ну, и отлично!.. Иванъ Иванычъ! будьте отцомъ роднымъ? батюшка! жалобно заговорилъ дьяконъ.

— Что такое?

— Одолжите книжечекъ! Сдѣлайте милость!

— Какія есть, берите хоть сейчасъ.

— Я сейчасъ, и желѣзо сейчасъ...

— Заходите.

Скоро въ комнату вошелъ тщедушный, худенькій человекъ, въ истасканномъ подрясникѣ, и

робко, на цыпочкахъ, направился вслѣдъ за Ивановъ Иванычемъ въ его кабинетъ; проходя заломъ онъ обернулся въ мою сторону, и я увидѣлъ, прежде всего, крайне странные, не то восторженные, не то испуганные, даже сумашедшіе глаза, ярче всего выдававшіеся на худомъ, блѣдномъ, еще не старомъ лицѣ, съ жидкими, длинными белокурыми волосами и маленькой бородкой, которую онъ постоянно щипалъ, пробираясь на цыпочкахъ въ кабинетъ. Тщедушное, робко согнувшееся тѣло, это большое, испуганное лицо, и глаза, полные чего-то пугливаго и неопредѣленно оживленнаго, производили впечатлѣніе чего-то жалкаго и хилаго.

— Вотъ все что есть — выбирайте!.. Вамъ какія книги надо? спрашивалъ мой пріятель, когда они очутились въ кабинетъ.

— Да мнѣ бы пофундаментальнѣе...

— Ну, вотъ выбирайте... Вотъ журналъ не хотите ли?

— Это — Португаловъ?

— Почему же все Португаловъ. Тутъ и другіе пишутъ.

— Я знаю... Нѣтъ, это все мимолетное!

— А вамъ надо не мимолетнаго? да?

— Да ужь, что-нибудь по тоге, поздоровѣй.

— Поздоровѣй?..

Роясь въ книгахъ, болталъ докторъ.

— Поздоровѣй вамъ? Не хотите ли взять вотъ Шлоссера: это, я думаю, будетъ довольно здорово...

— Это что такое — Шлоссеръ?

— Исторія.

— Сдѣлайте милость, — это мнѣ въ самый разъ...

— Ну, такъ вотъ и берите...

— Мнѣ бы только, Иванъ Иванычъ, ужь съ самаго начала... что-нибудь...

— Да вотъ, что тутъ? „Греки“... вотъ тутъ съ самаго начала...

— Очень вамъ благодаренъ... То есть, какъ вы говорите съ самаго начала? Съ самаго начала только греческая исторія?

— Только одна греческая... А вамъ что же?

— А раньше грековъ не было ли чего?

— Разумѣется, было... Вотъ исторія Индіи...

Это — раньше грековъ...

— А еще чего не было ли раньше?

— Ужь я, ей-Богу, не знаю... Да зачѣмъ вамъ?

— Да мнѣ бы хотѣлось ужь, чтобы начать, напримѣръ, съ самаго кор...

— Опять пошли самые корни, самая жила?

— Да ей-Богу, Иванъ Иванычъ, что-жъ мнѣ хватать верхушки? Ужь ежели поправляться, такъ

надо, какъ слѣдуетъ. Вновь. Съ самаго, напримѣръ, съ кор... съ корня... Что вы смѣетесь? Ей-Богу, право... Что-жъ такъ-то...

— Да такъ, такъ... только я не знаю, что жь бы такое?... Не хотите ли „до человекъ“?

— Это — книга такая?

— Книга... Понимаете — до!... Ужь тутъ самый корень.

— Вотъ, вотъ, вотъ! какъ-то даже сладострастно зашепталъ дьяконъ: — до! Это самое и есть — „до“ всего еще?

— То-есть, „до“ всего на свѣтъ!..

— Ну, ну, ну... Это мнѣ и надо... Съ самаго...

— Съ самаго! съ самаго, нате, берите!

— Ну, дай вамъ Богъ здоровья... Сейчасъ примусь! Вотъ это мнѣ и нужно...

— Очень радъ.

— Очень вамъ благодаренъ! А то что-жъ мнѣ, ей-Богу, — журналы тамъ... Мнѣ ужь надо все наново... Иначе что-жъ такъ-то? Ужь ежели...

— Ну, ладно, ладно!

Поблагодаривъ и бормоча все то же, то-есть, что, ежели поправляться, такъ надо не какъ-нибудь и т. д., — дьяконъ поспѣшно, съ явнымъ намѣреніемъ сейчасъ же приняться за дѣло, вышелъ изъ кабинета, перебѣжалъ залу и направился къ банѣ, держа подъ самымъ носомъ развернутую книгу.

— И представь себя, заговорилъ пріятель, вновь появившись въ моей комнатѣ: — вѣдь такіе разговоры у насъ съ нимъ идутъ чуть не каждый Божій день... „А вступаетъ ли?“ „а что душа“, „въ душу“, — чертъ знаетъ что... Часа по два битыхъ тиранить меня, а кончится ничѣмъ... Въ тотъ же вечеръ напьется и надѣлаетъ разныхъ гадостей.

— Онъ — какой-то чудной!

— Пьетъ... куралесить, — дѣла растроены, да и жена бросила, — ну, вотъ и хочеть „все вновь“... То порошками, то книжками... Да, извольте видѣть, чтобъ въ самую жилу... въ точку... Надоело. А что, не пойти ли намъ погулять?

Скоро мы отправились за городъ и воротились очень поздно. Былъ душный лѣтній вечеръ. Во время нашей долгой загородной прогулки меня не покидала мысль объ этомъ блѣдномъ человекѣ, думающемъ вылечить свою душевную боль книгами и порошками. Что это за душевная рана? Что это за боль? Какъ? откуда нанесло ее на бѣднягу? Все это очень занимало меня. Я рѣшилъ непременно найти случай поговорить съ нимъ, спросить его.

(Прод. слѣд.)

ЛИТЕРАТУРНІ ПИСЬМА.

Намъ доставлено слѣдующіи два письма, относящіеся до новейшихъ сочиненій въ нашей литературѣ. Мы охотно мѣстимо ихъ, по воли авторѣвъ, безъ наименшеи змѣны а по шымъ болѣе, що въ Галичинѣ литературна кришика еще майже совсѣмъ спить, а безъ неи немозливе и движенье самой литературы. — Ред.

I.

— „Жите Тараса Шевченка. Читанка для селянъ и мѣщанъ. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Книжочка 37. Цѣна примѣричка 14 кр. У Львовѣ, 1876. Коштомъ и заходомъ Товариства „Просвѣта“, въ 10.000 примѣричкахъ. 16^о, 77 стор.“ Звычайно дѣся въ свѣтѣ такъ, що кто похопить якои небудь науки — то вже дивится зъ горы на того, котрый стотить умственно низше. Возьмѣмъ примѣры таки зъ Галичины:

Почавши отъ громадскихъ писарѣвъ, найде ся ихъ богато межи учителями шкѣлъ народныхъ, середнихъ ба и университетѣвъ. Тай ще ось що: люде тѣ, придбавши собѣ науки, кажутъ, що не абы-кому ихъ поняти, що богато воды мусить уплыти, закимъ порозумѣють ихъ мудрѣсть низшій отъ нихъ. Треба, кажутъ, внучитися богато слѣвъ, треба придбати собѣ богато понятій, словомъ — треба перейти цѣлый рядъ шкѣлъ приготоавчихъ, закимъ зможеся порозумѣти тѣ рѣчи, о котрыхъ знаютъ н. пр. професоры гимназіяльній и университетскій. Тымъ то дѣся, що чоловікъ образованій, въ томъ переконанью, що го низшій не годній порозумѣти — замыкае свою мудрѣсть самъ въ собѣ и бере съ собою въ могилу трудъ кѣльканадцяти ба и кѣлька десятѣкъ лѣтъ. Ось чому йде у насъ образованье такъ помалу, чому оно не переходитъ въ болшу масу народа въ Галичинѣ: бо другій, кто учитися хоче, мусить зачинати зновъ изъ самого початку, перейти тысячій злыхъ рѣчей, закимъ попадеся ему правда. Вѣдомо, що черезъ то тратится сила и охота и спинаеся розвѣй якъ наибольшой массы. Ше и теперь думаютъ у насъ въ Галичинѣ, що не о всѣмъ можна писати „хлопови“, а якъ вже пишеся: що для него, то такъ не маеся писати для интеллигенціи — именно шо до языка. Тымъ то идуть теперь въ Галичинѣ по при себе двѣ литературѣ — „простонародна“, менше-болѣе языкомъ „хлопскимъ“ и для интеллигенціи, языкомъ „вышимъ“. Наука йде отже у насъ не до практичного приспособленья ей до житья массы: а буде ити доти, доки не станеся она высказувати ясно, популярно — на живомъ народномъ языкѣ. Зрозумѣли се тѣлько тѣ люде, котри щось думали на свѣтѣ и дѣйшли до того, що треба популяризовати науку. Та тѣлько бѣда, що понаписувано богато водавыхъ рѣчей, очевидно для понятія „хлопа“. Шо болѣе. Рѣчи тѣ писаній прихапцѣ и такъ, якъ то кажутъ, зъ де-болшого, майже не-хотя: Не важене въ нихъ кожде слово, кожда гадка, кожда книжочка. Тымъ то стаеся галицка „простонародна“ литература хосенною „хлопови“ по болшой части тѣлько для того, абы пѣзнавъ, що бнѣ ничего въ свѣтѣ не знае, а може й не може поняти „мудрости“, — бо, якъ кажу, мало въ той „просто-народной“ галицкой литературѣ чистой науки, а за то багато говорѣнки. Науковой стѣйности не мае она до той степенѣ, що н. пр. мало шо довѣдаеся зъ неи чоловікъ „образованій“. А такъ бути не повинно. Все, що пишеся, повинно бути важне и для „простыхъ“ и для „образованыхъ“ людей, повинно мати рѣвну стѣйность и для люду и для интеллигенціи. Шо такъ може бути — довѣвъ о. Огоновскій власне въ книжочкѣ, из-за котрой я такъ розговорився. Подати понятіе поэзи, поэта и патриотизма такъ, абы его кождый зрозумѣвъ, до наименшеи дитинки — справдѣ, се велика заслуга, котра вповнѣ належится о. Огоновскому. Побачивши на заголовнѣмъ листѣ: „Читанка

для селянъ и мѣщанъ“ взявсѣя я читати еѣ въ томъ переконанью, що я зъ неи не дѣзнаюся ничого. Але якже пріемно ошибся я!

Тутъ важене кожде слово, тутъ выстудіована рѣчь докладно и представлена такъ, що зъ неи помудрѣе кождый Русинъ: дѣзнаеся кождый селянинъ и мѣщанинъ, що бнѣ такой самый чоловікъ, якъ и панъ и царь; дѣзнаеся людь въ Галичинѣ, що у него въ своѣй хатѣ своя правда и воля, но дѣзнаеся такожь, що у него нема силы, бо вся сила теперь въ науцѣ, до котрой щиро загрѣвае о. О. всѣхъ „простыхъ“ людей; дѣзнаеся и интеллигентный чоловікъ, що-то такой патриотизмъ, що то именно щира любовь до люду, освѣчена наукою, котру повинна интеллигенція переливати въ масу въ еижь языкѣ, дѣзнаются изъ неи тѣ, що взялися писати для люду и будити его проповѣдями, якимъ именно чиномъ поведеся то. Не ганьбленемъ, не бештаниною збудится у народа любовь до науки — никто й не поде тамъ, где его бьютъ — але щирою любовью, що всѣхъ горне до себе, кождому простить, цѣнить найнужденнѣйшого старца якъ чоловіка и кождому бѣдному порадить, будячи въ нѣмъ искру божества, котра въ его груди тѣлько пригасла, роздуваючи еѣ въ полемнѣ. выкликуючи въ серци его таке настроенье, въ котромъ наука показуеся наибольшою добродѣйкою чоловічества, а не ворогомъ его, що дае патентъ всѣмъ ознакомленнымъ съ нею на пацтво, тыхже, що не могли познакомитися съ нею, робить невѣльниками и старцами, безъ никои потѣхи на свѣтѣ! Жаль подумати...

А ось яка черта находится въ письмѣ о. Огоновского, яко интеллигентной единици на потѣху бѣдной масѣ. Вкѣнци своей повѣсти про Шевченка передъ людомъ говоритъ о. О. такъ: „Его пѣсни — то ваші пѣсни; его слава — то ваша слава!“ Не мѣгъ о. О. щось потѣшнѣйшого сказати для люду про народну литературу. Звычайно бо хвалятся нею, тою народною логатурою, интеллигентній единици народа нашего передъ другими народами говорячи, що то тѣлько ихъ литература а не думаютъ въ той хвилѣ — и навѣтъ въ цѣломъ своѣмъ житью — про тоту масу, котра вытерпѣла еѣ сердцемъ и житьемъ въ тяжкихъ досвѣдахъ на земли. „Мы славній, — говорятъ такій люде — бо маемо таку богату та красну народну литературу“ но рѣвнобѣжно съ тымъ своимъ сказаньемъ обходятся съ „простымъ“ людомъ такъ, що соромъ писати. Симъ, очевидно, отстрашуютъ такій интеллигентній люде людь отъ письма, въ котромъ побачивъ бы свои думки и чувства и лишаютъ такимъ чиномъ на потѣху „хлопамъ“ тѣлько то, що ще жие въ ихъ серци. А то такожь одна изъ головныхъ перепонъ умственного движенья массы. О. Огоновскій же высказавъ, що все написане письменнымъ здѣбнымъ чоловікомъ подѣ влияниемъ народного генія и о житью тогожь народа — есть власность цѣлого народа, массы. Колижь такъ, то интеллигентній единици народа, полюбивши народну литературу, не повинній отрывать ей отъ массы та тѣлько хвалитися нею передъ свѣтомъ — але повинній тымъ болѣе полюбити непросвѣщенну масу, отворити ей очи всякими возможными способами и, вказавши всѣмъ книжку, промовити: „дивѣтсѣя, що складили вы самі своимъ простымъ розумомъ и чувствомъ! Скажѣтъже теперь, що не зрѣбили бы вы, якбы вы всѣ вхопилися до науки?“ Часъ отже дати и то евангеліе народне — творы Шевченковій — въ руки цѣлому народови въ Галичинѣ, най читають дѣти своимъ неписьменнымъ родичамъ, най читають письменній всѣмъ неписьменнымъ, абы всѣ они порозумѣли слова правды и любви — на вѣрки всѣмъ тымъ изъ интеллигенціи, котри говорятъ, що Шевченка не порозумѣе „темна“ маса.

О. Огоновскому же належится та прислуга, що нарисовавши правдивый образъ Шевченка яко чоловіка, поэта и патриота — причинится до выробленья почутья чоловічого

достоинства у люду, и до подуманья надъ народною литературою тыхъ, которій говорятъ, що для „интеллигентного“ не такъ треба писати якъ для простого и роздѣлюють такимъ чиномъ чувство и силу (що до числа) — людь — отъ розуму — интеллигенції. Хибне то представлене, що литература мае бути „просто-народна“ и „учена“. Аджежь, що доброго вымыслить розумъ чоловіка, то веде его тѣло до дѣла: чомужь не малибъ озватися результаты терпѣній и науки, чому не малибы они бути понятными для „простого“ сердца и для розуму „простого“ люду?

— Я якъ возьму газету нашу въ руки, то зачинаю читати еѣ отъ найважнѣйшого, значить наибольшого, наибольшими буквами печатаного кусника. — Вѣдай догадаются гдєкотрї читателї, що неразъ мушу читати насампередъ анонсы, въ котрыхъ часомъ далеко больше реально пожиточныхъ предметѣвъ, якъ въ прочѣй части газеты. И такъ недавно беру одну, беру другу, беру третью газету — всюда анонсовано, що о. Стефановичъ пустивъ въ свѣтъ „Погибель народа“. Далъ вже я не мавъ силы читати тѣ газеты, бомъ бувъ розцѣквлєнный, що такого въ той книжочкѣ? Побѣгъ я отже въ боязни, абымъ разомъ съ народомъ не запався пѣдъ землю, и на млѣ ока вернувъ я домѣвъ ось съ чимъ: **Пьянство нещасте и гибель народа.** Пѣсля К. Горальчика уложивъ Александръ Исполить Стефановичъ (,) рускїй катехитъ при учительскихъ семинаріяхъ у Львовѣ, членъ корреспондентъ императорско-географичного товариства въ Кіевѣ, членъ комисіи екзаминаціонной для учителейъ шкѣлъ народныхъ и выдѣловыхъ и Львовскихъ товариствъ „Провсвѣта“ и Народный Дѣмъ. (Се не просто н. пр. написавъ Омелянъ Огоновскїй, але такъ). Цѣна 10 кр. а в. У Львовѣ (,) 1876. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка. За подмогую товариства „Провсвѣта (?!)“. Друковано въ 12 000 примѣрникахъ. (!!!)

Знаете, читавъ я, читавъ и зновъ читавъ и перечитывавъ та, упившися „бездною премудрости“, зачавъ я дрѣмати разомъ съ громадою, передъ котрою глагольствуетъ догматично образованный хлопъ. Чи не можна бы, думаю я собѣ въ снѣ, просити свѣтлу консисторію, абы не дала марно погибати чоловікови, — та взяла его изъ села насампередъ до св. Юра, а потому пѣслала го по монастыряхъ львовскихъ и въ загалѣ всѣхъ галицкихъ, абы навернувъ всѣ тѣ „святї брацтва“ до залишенья всякихъ вадливыхъ напитокѣвъ, бо однако онъ каже (навѣтъ и сторона приснида ми ся, 44): „Маємо въ краю рѣжнї святї брацтва: тотї повиннї першї дати прикладъ.“...

Чи не можна бы просити свѣтлѣйшу консисторію, абы все пѣшло зъ горы...., „всякъ даръ совершенъ свыше“. Але утопія — зѣрвавшися зѣ сну сказавъ я самъ собѣ, курєнды св. консисторїи не лѣпшї проповѣди о. Стефановича, що, причепивши до себе таку тяготу эпитетѣвъ, не соромився перебраться за хлопа и глагольствуетъ передъ зѣваючою громадою....

Ой жаль ми о. Стефановича, а ще больше тыхъ грошей, що ихъ придбавбы для голодного народа О. Стефановичъ проповѣдуючи у „святыхъ брацтвѣ“, и жаль ми накладу на его книжку, паперу, часу о. Ст. Все то спало на мене такимъ сумомъ, що я хотѣвъ бымъ на вѣки заснути, абы не читати такой литературы, яка у насъ зачинаєся роззвивати.... на потѣху „словесному стаду“. Но годѣ! Сонъ мене не брався....

Въ томъ приходитъ ми на думку якась книжочка, котру выдавъ п. Верхратскїй. Еи я не мѣгъ отважитися читати, бо сказано на заголовку, що то оригинальна праца п. В., котра мае зачислитися до литературы красной, а я знавъ по оригинальной „Калинѣ“, що працї п. В. въ направ-

вленью литературы красной не дуже збудують людей злого сердца. Мимоходомъ нагадавъ я собѣ про п. В. переводѣ Словацкогю поэмы: *Ojciec Zadzumionych*. Духу въ менѣ не ставало, якъ читавъ я поэму сю въ оригиналѣ — сплнити мене не могло бѣ було нічо въ свѣтѣ, абымъ бувъ покинувъ читати еи. Якїй злый Словацкїй, що не давъ ми навѣтъ спѣчнути хоть въ серединѣ своей поэмы. Не то п. Верхратскїй. П. Верхратскїй, дай му Боже прожитіє щасливе, перевѣвъ се на руске такъ, шомъ лєдвї дотять до середины, почѣмъ уснувъ я на довгїй часъ „сномъ блаженныхъ“, закимъ мѣгъ пробудитися за двѣ недѣли и дочитати до кѣнца. Такъ и теперъ — схотѣло ми ся спати, то треба литературнї плоды п. Верхратского взяти. Не ма що казати: файннїй папѣръ!

— **Байки, приказки и повѣстки.** Написавъ Иванъ Верхратскїй. Цѣна примѣрника 50 кр. в. а. (Христе царю! За 77 сторонъ малои 16^о — 50 кр.!). У Львовѣ (,) 1876. Накладомъ А(!)втора. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка.“ Попросивши слугу, абы ми не давъ довго спати, взявся я до читанья. Читаю подперши рукою голову. Охъ, якъ тяжєнько стало моѣй бѣдной головѣ — не мѣгъ я удержати еи — впала на подушку. Лєдвїмъ прочитавъ три картцѣ — хотѣвъ перестати, але побачивъ я на 7. сторонѣ ось що:

Осель и когутъ о соловѣю.

„Ладно соловѣй спѣва!“
Такъ осель колєсь сказавъ.
Тѣлько мудра голова
Потѣмъ згодомъ ще додавъ:
„Хоть якъ красно, регулярно;
Бачъ когутъ ще лѣпше втєя,
Соловѣй тому най гарно („гарно,“ йде до складу!)
Въ пѣвнїа до науки йде (?)
Вчувъ се пѣвень (певне злетѣвъ зъ неба?): кукурѣку!
Хотѣбы вчивъ до суду-вѣку,
Не навчити соловейка,
Пѣснь моя не такъ лєгейка!

Що се, якъ не вымученї стихи, котрї стоять побѣчь себе якъ полѣна дровъ? Не утерпѣвъ я, схопився и читаю той самыи тематъ у Крылова, баснописателя велико-русского.

Осель и Соловей.

Осель увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣтъ великїй мастернице;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?“
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, передивался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалькѣ свирѣлю отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ размышался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставь въ землю лѣбомъ,
„Изрядно“, говоритъ: сказать нєложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:

Еще бь ты болѣ навострился ,

Когда бы у него немножко поучился "

Услыша судь такой, мой бѣдный Соловей

Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей..

А менѣ зробилося не до смѣху и отхотѣлося спати. Таки на-правду: що напротивъ того кипучого житья въ природѣ, котре отдавъ въ своихъ байкахъ Крыловъ — вымученъ и ледви злѣвленъ стишища п. Верхратского? Въ байкахъ повиннося якъ въ зеркалѣ отбити товариство, въ котрѣмъ жиеся и природу, що окружае того товариство — въ байкахъ же п. Верхратского нема ніякого житья, нема на вѣтъ той плавности, що вяже одинъ стихъ съ другимъ, одно слово съ другимъ. Выходитъ зъ того, що не досыте знати тысячу рѣдко уживаныхъ словъ народныхъ, не досыте ихъ злѣпити до куны: аде треба въ кождый кавалочокъ влити ту теплоту сердечну, отъ котрой любо робитяся тому, що перечитае живый кусеникъ, значить, треба и до байкъ родитися поэтомъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ ,

А сапоги тачать пирожникъ.

Смѣшно то, якъ поставитяся яку рѣчь не на своемъ мѣсци, а ще смѣшнѣйше, коли чоловікъ береся до того, до чого не чуе сердца, покликанья. П. Верхратскій зробивъбы малорускѣй мовѣ велику прислугу, якбы позбиравъ всѣ тотѣ слова, що перозсѣвавъ ихъ въ своихъ творахъ „красной“ литературы, зьявляе дальше збирати народнѣй слова и продолжавъ зачату нимъ вже „Ном-нклятуру,“ або й посилувався на дѣлшій Словарь малоруского языка, хоть для школъ въ Галичинѣ. Крѣмъ того заслуга п. Верхратского моглабы бути ще бѣльшою въ натуральной исторіи для школъ — творы же п. Верхратского, котрѣ онъ хоче причислити до литературы красной, не мають ніякои стѣйности, крѣмъ лексикальной. Абы п. Верхратскій не думавъ, що мы партіальнѣй що до его оригинальности, то наведемо зъ его книжочки :

Жабы.

(Нѣсля Гете)

Замерзъ великій ставъ

И жабы въ глубинѣ

Не рехчуть, не йдутъ вплавъ —

И сѣбили въ полуснѣ

Та слово си дають,

Якъ пустятъ вже леды —

То пѣсни заведуть

Мовь справжнѣй соловѣ.

Дунувъ вѣтрець благій,

Весна уже смѣеся,

А жабки по водѣ

Одна за' дновь несесь,

Крумчатъ : квакъ квакъ, квакъ-квакъ —

Булѣ и перше такъ !

Що се, якъ не окарикатурованье кавалочка Гетового:

Ein grosser Teich war zugefroren ;

Die Fröschelein, in der Tiefe verloren ,

Durften nicht ferner quacken noch springen ,

Versprachen sich aber im halben Traum ,

Fänden sie nur da oben Raum —

Wie Nachtigallen wollten sie singen.

Der Tauwind kam, das Eis zerschmolz :

Nun ruderten sie und landeten stolz

Und sassen am Ufer weit und breit ,

Und quackten wie vor alter Zeit.

Або ось ще, якъ оброблений той самыи темать у п. Верхратского и у Леонида Глѣбова. У п. Верхратского читаемо на сторонѣ 24.

Вовкѣ и пастухи.

Вѣвцю забилы пастухи ,

И мясо розбирали —

Ажъ ту бѣжить вовчище ,

Загляне — нужь выводитъ жалѣ :

„Гей, гей одинъ ись другимъ тамъ парнище

Яке прегарне мясо крае.

А ябъ узаявъ лишь тельбухи ,

То кождый вовка вже полѣе.“

На тое Лабушь заворчавъ :

„Бо ты-бъ добро чужее бравъ —

А злодѣя не терпять люде ,

Пѣйшовъ! а то ще лихо буде.“

А въ другѣмъ „уповненѣмъ“ выданью байкъ Л. Хлѣбова, 1872 Чернигѣвъ, стоить на 89—90 стор. ось якъ :

Вовкѣ i Вівчарѣ.

Раз Вовк тихесенько підкрався ...

Всімъ відомо куди він звик ходить

І де він лиха набрався, —

Та що-ж робить ,

Коли на те вже Вовк удався ,

Щоб овечок давать!

І сей раз він туди ж попхався ,

Тихесенько кошару обійшов ;

Прислухався — не чузь, мерщій на тин зоньявся ,

Зіркнув — та й охолов :

Вівчарики прехорошенько

Найкращого баранчика взяли

Та й патрають гуртом, а кунделі

Мовчать, лежать — собі смирененько ,

Неначе б то усімъ ім там ,

Кудлатим гаспідексим синам ,

Позакладало... мов не знають ,

Що передъ ними виробляють! —

Дивився Вовк, дивився ;

Здихнув — та й знов у степ поплівсь ,

Та й каже : „де та правда ділась?...

Яка-б тут шарварка зробилась ,

Який би гомін підняли

І Вівчарѣ і кунделі ,

Як би мині таке зробить зхотілось!“

На сей раз приказка здалася :

Що де-кому, мовляли, можна а другимъ зась.

Я мѣгбы ще богато кавалчѣвъ п. Верхратского протвставити Крыловымъ, Гребѣнчинымъ, Глѣбовымъ, Красицкогит.д. а навѣтъ Павла Свого — все въ некорысть п. Верхратского, але най бнѣ, охолонувши изъ поэтичного вдохновенья, зробитъ се самъ и безъ всякого упередного поважання свого поэтичного талану, а доконаеся, що я правъ.

X.

II.

Еще разъ о „Стрижку“. Сатира то такъ якъ пугилки моризонскѣй: бурить и чистить; въ томъ ей заслуга. Выказуючи хыбы людей на поодинокыхъ примѣрахъ зъ житья взятыхъ и картаючи тѣи хыбы мае она, щобы доводно дѣяти, яко цѣль не осмѣшати кого або розсердити, але направити. Розумѣеся, що такъ якъ слабый организмъ по взятю пугилчѣвъ моризонскихъ дѣзнае збуренья, такъ тежь и по перечитанью сатиръ не одинъ въ первой хвили зрушитъ ся, нѣмъ наступитъ прочищення, увѣльненье, хоть почастне одъ вады. Пѣдъ впливомъ збуренья, непосредно по перечита-

ню а не під впливомъ розваги безсторонної написавъ вѣдай п. † згадку за „Стрижокъ“, первый збірникъ поезій сатиричнихъ у насъ вийшовшій. Роздивімъ ся слово по слову, о скільки правдива рецензія пана †, що до „Стрижка“, котрому п. † майже жадно не приписує стійности. И такъ зачинає шановний рецензентъ одъ назви „Стрижокъ“, котру переводить (думаючи донево на польского „Szczotka“) Stüber?! Вже тымъ п. † казавъ ся панъ рецензентъ не великимъ знателемъ руского языка, божъ предъ яко тако обзнакомленъ съ выводомъ слівъ, не зможе и подумати, щоби „стрижокъ“ означало тое, що штовшикъ! Стрижокъ одъ стригъ, стричи означало бь скорѣйше того, котрый стриже. А стричи уживаєсь нашимъ людомъ такожъ въ значеню шутковати, допѣкати кому замѣтами, подраовати кого, допѣкати кому и пр. Може такожъ бути, що „Стрижокъ“ походить одъ митологичного „Стригъ“ тѣлько що духъ непокоючій — Що до розличанья сатиры оставимо волю шан рецензентови, бо о тѣмъ кождый въ першѣмъ лѣпшѣмъ учебнику дуже точно и обширно може довідатись. Отакъ переходить шанов рецензентъ збірничокъ згаданий. Запытує ся пронижно, чи у насъ справдѣ такъ багато критикѣвъ, щоби на нихъ ажъ сатиры писати. На тое скажемо отъ яку притячину. Одного дотепника пытано, якого фаху людей найбільше. Не придумуючи довго одповѣвъ: докторѣвъ. Те почувши вѣс слухатель у смѣхъ: не яли вѣры. Ажъ ось на другій день завязаний онъ ходитъ по улицяхъ. Що такого? пытають его стрѣнчій. — Болять мене зубы! — А кождый въ доброй жичливости и каже ему, якого лѣку брати. Мнимый паціентъ записує все, що хто казавъ, и показалося, що по кѣлькохъ годинахъ найшовъ вѣнчъ кѣлькасотъ „лѣкарѣвъ“, отже справдѣ бѣльше нѣжъ бы змогъ найти въ тѣмъ часѣ людей другого якого званья... Такъ-такожъ и зъ нашими „критиками“. Критикѣвъ зъ знаньемъ, наукою и талантомъ у насъ дуже, дуже мало; за те рядачѣвъ (Kritiker), що то свою похвалу науку хотѣлибъ надѣ все и вся поставити, такихъ пребогато. И безъ пересяди речи можемо, що „критикѣвъ“ у насъ бѣльше може нѣжъ читателѣвъ. Тому вдячній есьмо п. Щипавкѣ, що противъ того рода критикѣвъ подобно якъ и противъ псевдолитераторѣвъ вымѣривъ сатиру. П. † замѣтує ще, що сатиры подобній будуть незрозумѣлій на провинціи. Незрозумѣлій буди бы тогды, если бы були нашквилями, а не дѣйсними сатирами, якими суть справдѣ, бо представляють не певній личности а певній типъ. Такихъ „Ляскуновѣ“, „Туцѣвъ“, „Хвальковѣ“, „Чваньковѣ“, „Пѣдспѣваченковѣ“, „Помазаренковѣ“ и пр. найдете не лише въ одному Львовѣ. Замѣты дальши тыкають ся самого обробленья сатирѣ, котре называє п. рецензентъ неудачнымъ и наводитъ на пробу перву сатиру „Панъ Ляскунь.“ Тымъ однакожъ зовемъ не оправдавъ шан. рецензентъ свого замѣту, бо въ тѣй сатирѣ видимо ясне представлѣнне рѣчи, а о пану „Ляскунь“ тѣлько сказано, кѣлько вѣнчъ и вартъ.. О формѣ стиха нѣчого не запримѣтивъ шапов. рецензентъ, що предѣвъ повиненъ бы бувъ зрѣбити, коли взявъ ся писати оцѣнку. Сатира сѣя (подобно якъ переважна часть сатирѣ въ „Стрижку“ помѣщенихъ) написана стихомъ александрийскимъ, котрый, якъ бачимо, въ подобныхъ творахъ въ рускомъ языкѣ вельми пригдожуєсь. Тутъ заслуга п. Щипавки, бо — о скільки намъ звѣсно — въ Галиччій вѣнчъ первый взявъ писати александринами. Дальше каже п. † „що въ декотрыхъ его сатирахъ занадто ярко пробиваєсь надрѣнье нарушити и уколоти личнѣсть“ именно въ сатирахъ: „Новина“, „Велика рѣчь“, „Панъ Точный“ и „На споминъ“. И тутъ не такъ. Не личности нарушаєсь а тенденціи, якій овѣ личности заступають. И такъ „Новина“ хоть стоєуєсь до одного изъ даровитѣйшихъ писателѣвъ, котрого литературну дѣяль-

нѣсть ляскуны и тымъ подобній людѣвъ завели на бездорожѣ, не дотыкає личности, тѣлько похибѣвъ литературныхъ (пр. що до выражений: звѣнчъ кує, звоны пѣють, камѣнь йойкне, зорѣ мѣють!). Що до „Велика рѣчь“ и „Панъ Точный“ скажемо тѣлько, кому изъ щирыхъ Русинѣвъ може бути байдужимъ нехтованье языка рѣдного, навмысне изощренье мовы, узыванье нашего красного языка народного „язычкомъ“? Противъ портителѣвъ языка вымѣреній тѣ сатиры, а не противъ личностей. „На споминъ“ такожъ не таке велике зло, якъ бы хотѣвъ п. рецензентъ. Личнѣсть въ тѣй громовой сатирѣ не выстугає ярко а дѣйсно не до одного можъ бы примѣнити слова оконченій той сатиры?

Народа ты недругъ, шкѣдний для люду чадь,
Чума и стервище и гнѣи и стыдъ и смрадъ!

Отакъ шановний рецензентъ переходить до епитграмѣвъ, розказѣвъ и пр. и наводитъ „Жартѣблива промѣвка другови на Великденъ“. Навѣвши кѣлька стихѣвъ зъ початку пытає оттакъ, чи поезією таке вычислюванье? Вычислюванье само собою не єсть поезією, але находить ся часто въ поезіяхъ якъ рускихъ такъ иноязычныхъ, а передовѣмъ въ жартобливыхъ приказкахъ и промѣвкахъ руского люду. Дальше докоряє панъ † стиху: „Звычайна людѣвъ плата“.

Коли удасть ся добре дѣло,
Братко мѣй любый зборудитъ,
Неразъ сусѣдамъ се не мило:
Твѣй чесный вчинокъ ме гнѣвтитъ.

Вже зъ той первой половины поезійки кождому ясно, яка тутъ мысль. Але пану рецензентови, котрый, якъ видко не за свое дѣло взявъ ся, годѣ найти тутъ мысли. Чому? Бо пѣсля него авторъ эле зробивъ, що поставивъ надпись (sic!) (якъ кождый тямучій розсудить одвѣчаючи вповнѣ поезійцѣ маючѣй колоритъ сатиричний). „Звычайна людѣвъ (отже не людей въ повнѣмъ того слова значеню, а людѣвъ) плата“ а повиненъ бувъ ужити прозаичной и млявой надписи „Невдячнѣсть“ (sic!) Отъ и вся критика пана †. Вконецъ бажає п. †, щоби сатирикъ уносивъ читателя въ „широкій идеальний свѣтъ“. Тутъ шановний критикъ грубо помыляєсь. Сатира, сѣя поезія дѣйстности и теперѣшности, картає якъ згадано хибы людєкин; тожъ не идеализує а учитъ выказуючи собѣ властивымъ способомъ уемній стороны. Такожъ примѣтає шановний рецензентъ, що выдумати кѣлька назвъ и ситуацій, то не велика штука. Се вже справдѣ те, що п. Щипавка такъ траєно въ „Ляскунь“ казавъ: „знає на вманцѣ тогѣ тычкѣ подути“. Коли ситуацій выдуманій, чомужъ подѣляли такъ сильно на ш. рецензента, що написавъ на маленьку книжочку розмѣрно довшу оцѣнку, нѣжъ звычайно у насъ пишуть навѣтъ о дѣлахъ обьемомъ бѣльшихъ? Чому огорченый нарѣкає, що такъ ярко выстугають личности въ сатирахъ, де представленій ярко хибы нашей соспѣльности (интелигенціи) а потомъ каже, що „ситуацій выдуманій“ и противорѣчить собѣ самому?

Зовемъ не ткнувъ шановний рецензентъ декотрій сцены выведеній п. Щипавкою изъ спорѣвъ языковыхъ, котрій, думаемо, вєюды у насъ и на провинціи сѣ участью будуть читати. Чому не згадавъ про „Ruthenus polyglottus“ сатиры котра сурово картає полиглотѣвъ рускихъ а заромъ и выказує неприроднѣсть и диковину сумѣшки полиглотскою?

Видко п. рецензентъ, пишучи оцѣнку мавъ якусь убочну думку.

Въ загалѣ „Стрижокъ“ зробивъ на часъ добре вражѣнье. На кождѣй сторонѣ майже подыбуємъ тамъ нову, авторомъ смѣливо выречену гадку, а и стихъ правильный, плывє невынуждено, свободно. Тожъ витаємъ первый збірникъ поезій сатиричныхъ и жєлаємо ему якъ найширшого

ходу мѣжь публикою рускою — що вѣнъ яко другъ народа и заслуге, бо не той намъ другъ, хто нашъ хвалить хибы або ихъ закрывае, но той, котрый намъ ихъ выказуе въ цѣли, щобы ихъ усунути.“

Оригиналъ письма находится у насъ въ акцияхъ Редакціи „Друга“.

ЛИТЕРАТУРНІЙ ВѢСТИ.

— Що то таке провизорія и якъ ведеся еѣ? Написавъ Адольфъ Гладыловичъ. Львовъ 1876 Коштомъ и заходомъ Товариства „Просвѣта“ въ 16-ку Стр. 41. Ц. 8 кр.

Ось маемъ передъ собою другу книжочку „русского народного правотари“ (перша „Вексель и лихва“), выдану „Просвѣтою“ въ цѣли популярного представленья предписовъ закона австрійского. Якъ взагалѣ тѣлько радостно можемо повитати всякя выданья правотари народного, такъ особенно слѣдуе то сказати о новышомъ тематѣ, о провизоріи. О значенью, о вартости спорѣвъ провизоріальныхъ написались учены Нѣмці для ученыхъ правниковъ дуже много; та изъ становиска науки вже дуже значна часть зъ тыхъ писателѣвъ узнавала провизорію за рѣчь лиху, нестойну. А однакъ провизорія удержуется помимо того всего въ нашомъ законѣ, хотя и еѣ некорыстью для незнакомленыхъ съ нею, найбѣльше же для нашихъ селянъ, немаючихъ навѣтъ кардинальныхъ понятій о правѣ, о законѣ.

Що дѣйстно „провизорія“ для нашихъ селянъ еще и нынѣ не отповѣдае, маемъ на то — къ сожалѣнію — численнй примѣры и доказы зъ практичного житья, въ котрыхъ звыкле, якъ то и почт. авторъ „Провизоріи“ въ своемъ першомъ услугѣ представивъ, кѣбчатъ остаточнѣ „криминаломѣ“ тѣмъ, що власне чуютъ за собою право якее. А причина тому та, що тяжко то незнакомленому съ правничими понятіями различити фактичне, послѣдне посѣданье отъ самого права до посѣданья, та отъ ретельного, нехибного, правового посѣданья. Въ спорѣ провизор. боронитя тѣлько фактичне послѣдне посѣданье, а не доходитя права, кто мае посѣдати. Кромѣ того и сама юридична дефиниція посѣданья есть тяжка для неправниковъ до розрѣженья отъ права власности. Фактичне посѣданье, право до посѣданья, право власности — то три юридично окремі понятія, — но въ житью повседневномъ дуже часто идентификуются. Зазнакомити отже популярнымъ способомъ сельскій народъ и взагалѣ всѣхъ незнаючихъ того различія съ юридичными тыми тонкостями есть задачей книжочки г. Адольфа Гладыловича. Книжочка та есть о два разы меньша за „Вексель и Лихву“ и состоитъ зъ трохъ услугѣвъ. Першій: Якъ правувавъ ся Иванъ Правентюкъ зъ Микитою Твердуномъ и якъ го старый Григорій научавъ — то наглядный примѣръ послѣдствій незнанья закона и сопротивлянья судовымъ распоряженьямъ. Та часть дуже практично и справдѣ по майстерски написана. — Въ второй п. з. Що то е провизорія и якъ ведеся еѣ? и въ третій п. з. „За декотры справы, що належать до спорѣвъ о посѣданье, але часто приходятъ въ видѣ процессѣвъ провизор. до суду“ иде рѣчь о тематѣ самъ. Не можна сказати, щобы ти обѣ части були горше отъ первого уступу написанй; и противно они тоже практично составленй особенно отвѣтно въ второй части умѣщено и три взорій позѣвъ провизоріальныхъ, и короткій зачеркъ поступованья самого, и тарифу стемплеву а то

легкимъ стилемъ, приступнымъ — однакъ за мало власие поднесено въ ней и розвито юридичныхъ понятій именно: про посѣданье про фактичне посѣданье, про праве, нехибне посѣданье, про право власности. Казуистика не повинна стояти на першомъ плянѣ, а на оборотъ служити тѣлько до объясненья понятій правничихъ, — безъ зрозумѣнья котрыхъ рѣшително невозможно застосовати предписъ закона, въ якомъ новомъ случаю. Но, помимо того недостатка, книжочка г. Гладыловича есть такою, що невдаючисъ въ дальше розбиранье еи, смѣло можемо ю, всѣмъ препоручити якъ добрый, популярный подручникъ о провизоріи.

Новинки.

— Дня 3. (15.) мая отбудетя, якъ чуемъ, въ нашомъ сѣменищи музыкально-декламаторскій вечеръ въ память даной свободы.

— Въ Четверъ дня 18. мая отбудетя въ Успенскій Церкви поминальне богослуженіе въ память бл. п. Григорія Яхимовича, устроене обществомъ „Акад. Кружокъ.“ Просимо о якъ найчисленнѣйшу участь всѣхъ сосѣднихъ ОО. священниковъ.

— Въ Суботу дня 20. мая н. с. мае отбутися на „Высокѣмъ Замку“ маѣвка, котру устроюе общество „Акад. Кружокъ.“ Билеты безъ различія особъ по 30 кр.

— Великій рухъ въ обществѣ Качковского. Двѣ филіи вже завязанй: въ Перемышли и въ Станиславѣ; а двѣ мають завязатися 3 (15) мая: въ Золочевѣ и Калуши: поблише въ Дрогобычи, Галичи, Коломыи и т. д. Выйшла вже пята книжочка за 1875 „Горить!“ Наумовича, пригтовляея до печати яко 6. книжка Д-ра Мионовича „Що конечно потреба до здоровья.“

(Радо помѣщаемъ присланный до насъ програмъ концерту, котрый отбудетя на корысть бѣдныхъ ученикѣвъ — и просимо П. Т. Публику нашу о якъ найбѣльшу участь для достиженья такъ благородной цѣли, якою есть помѣчь для бѣдной учащюися молодежи. — Ред.)

ПРОГРАМЪ

концерту музыкально-вокального на корысть бѣдныхъ ученикѣвъ ц к гимназій академичной, котрый отбудетя дня 23. Мая 1876 въ великій салі ратушевоѣ.

1. „Нападъ Татарскій:“ Хоръ мѣшанный съ сопроводомъ оркестры укладу Н. Вахнянина. Выконують ученики гимназій академичной и нѣмецкой при участіи П. Т. аматорѣвъ спѣву съ оркестроу 30. полку флдршр. бар. Ringelheima подѣ проводомъ капельмистра п. Панганса.
2. Тріо Бетговена, opus. 82. — Выконують пп. Я. И., Ив. и В.
3. „Чи то звѣзды?“ Дуѣтъ на два сопраны съ сопроводомъ фортепяну. — Выконують панѣ Л. Б. и И. Signio.
4. „Slovakke“ укладу п. М. Конопаска.
 - а) зъ нашихъ горъ; — б) зъ нашихъ долинъ; Выконае авторъ.
5. „Нупало:“ Кантата съ сопроводомъ малой оркестры и фисгармоники, укладу Н. Вахнянина. Выконують панѣ: Г. и Л. Л. и п. Signio и хоръ мѣшанный подѣ проводомъ автора.
 - а) Ворожба — б) Хоръ Русалокъ — в) романце — г) похѣдь купальный — д) Корѣвь купальный — е) Рондо.

Початокъ о год. 7½ вечеромъ,

Цѣна мѣсець: Cercle 2 зл. — крѣсло 1 зр. 50 кр.; — вступъ до салі 1 зр.; мѣсець сидяче на галеріи: 1 зр.; — мѣсець стояче на галеріи 50 кр.

Билетѣвъ дѣтати можна такожъ въ „Акад. Кружку“, отъ 2—3 и 5—6 по полудни.

Содержанье: На-Потемки, очерки и образки изъ современной жизни прод.: Денисъ, повѣсть М. Вагилевича, прод.: Петрѣи и Добощуки, повѣсть Джеджалика, часть II, прод.: Отравленный дьяконъ, Г. Иванова, прод.: Литературный письма. (I. Житье Т. Шевченка; Пьянство, О. Стефановича, Байки И. Верхратского; II. Еще разъ о „Стрижку“); Новинки.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Заіовскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійского во Львовѣ 1876.

До того числа слѣдуе додатокъ.